

валу, и послал меня за вами. Пугач пришел.» — Уехала Марья Ивановна? — спросил я с сердечным трепетом. — «Не успела» отвечал Иван Игнатьич: «дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постойм сегодня за матушку государыню, и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее.

«Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идет баталья? Где же неприятель?» — Неприятель недалеко — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе? — «Нет папенька,» — отвечала Марья Ивановна; «дома одной страшнее.» Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей